

Когда на терминал Лу Чжао пришло уведомление о смерти Лу Шэна в тюрьме, перед ним светился целый веер проецируемых экранов. Слева теснились штук семь-восемь окон с материалами по преддипломной практике, справа — черновик агентского договора на новый тип ингибитора, который они сейчас обсуждали с компанией «Цюнтянь».

Этот ингибитор — плод совместных трудов босса Шэня и босса Ланя — по своему составу слегка отличался от традиционных препаратов, но обладал колоссальным преимуществом. Результаты клинических испытаний перед запуском в массовое производство доказывали невероятное: препарат позволял Альфам и Омегам противостоять притяжению феромонов даже со стороны их истинных партнеров, предназначенных самой судьбой!

Лу Чжао владел и некоторой инсайдерской информацией. Не возникни необходимости собирать эту статистику, ингибитор поступил бы в продажу еще лет пять-шесть назад. Однако босс Шэнь и босс Лань проявили твердость: они посчитали обязательным найти достаточное количество истинных пар среди Альф и Омег, согласных принять участие в тестировании, чтобы зафиксировать и подтвердить столь феноменальный эффект документально. Судя по всему, затея увенчалась полным успехом.

Едва ознакомившись со сводками клинических испытаний, Лу Чжао мгновенно понял: появление этого препарата перевернет устоявшиеся общественные устои.

И компания «Сюйжи» обязана заполучить эксклюзивные права на его дистрибуцию во что бы то ни стало!

На фоне столь масштабных и перспективных задач неудивительно, что известие о кончине Лу Шэна не вызвало у Чжао особых эмоций.

— Почему именно сейчас? — любопытствовал Цэнь Ян.

До официально назначенного судом расстрела оставалось еще больше восьми лет, а значит, смерть наступила явно не в результате исполнения приговора. Но если виной тому сторонние причины, то случилось это как-то чересчур поздно.

Цэнь Ян искренне сгорал от любопытства. Лу Чжао, прекрасно уловив его настрой, покосился на своего спутника.

— В извещении сказано лишь то, что я могу явиться для оформления свидетельства о смерти и получения личных вещей. Никаких подробностей. — Он ненадолго задумался. — Если тебе действительно интересно, можем расспросить Тёмного Филина или брата Чжэна.

Тёмный Филин служил под началом маршала Лу, а брат Чжэн был тем самым столичным следователем, который в свое время прилетел в систему Лолайсо и общался с ними чаще других. Собственно, именно благодаря его тонким намекам Лу Чжао и Цэнь Ян наконец осознали свои чувства и перешагнули черту, отделявшую просто «хороших друзей» от

«возлюбленных». С тех пор они поддерживали теплое и доверительное общение.

— Было бы отлично, — кивнул Цэнь Ян, а затем, лукаво прищурившись, добавил: — Но если положить руку на сердце, старина Лу, тебе самому разве ни капельки не интересно узнать, насколько паршивым был его конец?

Лу Чжао с мягким укором посмотрел на своего неугомонного альфу, но спустя секунду не выдержал и усмехнулся:

— Интересно.

Цэнь Ян тихонько фыркнул, подался вперед и запечатлел на губах Чжао быстрый, привычный поцелуй.

— Так я и думал, — проговорил он, едва отстранившись и продолжая улыбаться. — О такой потрясающей новости нужно немедленно сообщить маме. Пусть тоже порадуетя.

Лу Чжао притянул его к себе за талию и негромко согласился:

— Да, давай.

Однако торопиться с отправкой сообщения госпоже Вэнь они не стали, решив дождаться ответов от Тёмного Филина и брата Чжэна.

Молодые люди предполагали, что скорее откликнется брат Чжэн. Пусть сам он и не имел прямого отношения к пенитенциарной системе, профессиональные связи позволяли ему без труда навести справки в тюрьме, где содержался заключенный.

К их удивлению, первым на связь вышел Тёмный Филин. Присланные им сведения оказались не просто исчерпывающими — они изобиловали такими подробностями, на которые юноши даже не смели рассчитывать.

Филин переслал им зашифрованный чип данных. Стоило вставить его в считыватель терминала, как на экране развернулось подробнейшее личное дело Лу Шэна за все годы его заключения.

Подобная щедрость ошеломила обоих. Но, поразмыслив, они быстро пришли к единственному логичному выводу.

— Маршал Лу приложил руку? — озвучил общую мысль Цэнь Ян.

Лу Чжао согласно кивнул: иных вариантов просто не оставалось. Отбросив праздные сомнения о том, не нарушил ли Тёмный Филин служебную тайну, он сосредоточился на чтении документов.

Внимание молодого бета-партнера почти сразу привлекли весьма любопытные записи.

— Смотри-ка: в первую же неделю после прибытия его уперли в карцер за «участие в групповой драке», — хмыкнул Цэнь Ян. — Как думаешь, Лу Шэн действительно полез бы на рожон сам?

— Смотря с кем именно он сцепился, — рассудительно отозвался Лу Чжао. — Пятнадцать лет за решеткой — срок огромный, и финал у него один. Но даже зная, что в конце его ждет смерть, Лу Шэн наверняка попытался бы выбить себе условия покомфортнее.

— Логично. Он обожал доминировать и подчинять, так что завоевать авторитет среди зэков для него было делом первой важности, — подхватил Цэнь Ян. — Если его противники были слабаками или их было всего двое-трое, то драку наверняка спровоцировал он сам. Но если обстоятельства складывались иначе...

Он не закончил мысль, но Лу Чжао и так все прекрасно понял: это означало бы, что ситуация полностью вышла из-под контроля бывшего председателя, а его сокамерники действовали по чьей-то указке.

И совершенно неважно, мстили ли эти люди за то, что когда-то пострадали из-за интриг Лу Шэна, или же выполняли заказ влиятельных лиц в обмен на поправки — дальнейшая жизнь новоиспеченного арестанта обещала превратиться в сущий ад.

Изучив приложенные к делу медицинские отчеты, Лу Чжао и Цэнь Ян быстро убедились, что верной оказалась именно вторая догадка.

С момента того первого водворения в штрафной изолятор физическое состояние Лу Шэна покатило по наклонной.

Травмы следовали одна за другой. То его жестоко избивали в бараках, то на каторжных работах в шахтах с ним происходил «несчастный случай». Всего за несколько месяцев крепкий, рослый альфа весом под восемьдесят килограммов превратился в изможденного шестидесятикилограммового доходягу, и стрелка весов упрямо продолжала ползти вниз.

Спустя год администрация тюрьмы обновила фотографию в его карточке. Снимки «до» и «после» казались портретами совершенно разных людей. С экрана на Чжао смотрел дряхлый, иссохший старик с глубокими морщинами и уродливым багровым шрамом на лбу. В Федеративной Республике, где технологии регенерации тканей позволяли бесследно сводить любые дефекты, появление такого рубца свидетельствовало лишь об одном: ресурсы его организма были исчерпаны до предела. В лазарете Чёрного Камня имелись медицинские

капсулы, но кто стал бы тратить дорогостоящие картриджи и деньги налогоплательщиков на закоренелого преступника, который регулярно устраивал потасовки и не вылезал из карцера?

Лу Чжао молча вглядывался в изможденное лицо на снимке, затем сохранил файл в отдельную папку, чтобы позже переслать матери.

Следом шел отчет за третий год. При поступлении рост Лу Шэна составлял метр девяносто два, однако к этому моменту в графе значилось лишь метр восемьдесят восемь. Медицинская выписка сухо поясняла причину: в очередной драке ему сломали позвоночник. Кости кое-как срослись, но тяжелейшая травма оставила необратимые последствия. С того дня бывший председатель больше не мог полностью разогнуться.

На новой фотографии из личного дела предстал сгорбленный старик с тусклой сединой в волосах, исподлобья смотревший в объектив камеры полным глухой ненависти взглядом.

На четвертый год в тюрьме Чёрного Камня произошло чрезвычайное происшествие. В главном управляющем искине лагерного сектора произошел масштабный сбой, из-за чего все электронные замки камер бесшумно разблокировались.

Мгновенно вспыхнул бунт. Внешний мир тогда так ничего и не узнал — даже Лу Чжао и Цэнь Ян лишь сейчас, листая секретные файлы, с удивлением обнаружили, что несколько лет назад в Чёрном Камне полыхало настоящее восстание.

К счастью для администрации, до рассвета охране удалось восстановить контроль над системой безопасности, после чего началась масштабная облава на разбежавшихся заключенных.

Оказавшись в числе беглецов, Лу Шэн попытался скрыться. Судя по рапортам, ему даже удалось продержаться на свободе несколько дней, петляя по заброшенным промышленным зонам, но удача быстро изменила ему, и беглого преступника вернули в камеру.

В этот момент лица Лу Чжао и Цэнь Яна помрачнели. Согласно Уголовному кодексу Федерации, побег из-под стражи карался чрезвычайно сурово — за подобные действия к основному сроку могли добавить от тридцати до пятидесяти лет заключения.

Однако существовал юридический нюанс: по законам Федерации, сроки за новые преступления суммировались со старыми, за исключением смертной казни, поскольку человека нельзя лишить жизни дважды. Парадоксально, но этот провальный побег сыграл Лу Шэну на руку. Новый приговор отодвинул дату его смертной казни на целых пятьдесят лет. Неудивительно, что на снимке за пятый год заключения он выглядел чуть более бодрым — в его глазах снова забрезжил призрачный свет надежды на выживание.

— Какая нелепая лазейка, — нахмурился Цэнь Ян. — Получается, совершай он преступления раз в несколько лет, исполнение приговора откладывалось бы до бесконечности?

Молодой альфа сердито сдвинул брови. На лице Лу Чжао тоже отразилось недовольство, но он быстро справился с эмоциями и мягко напомнил партнеру:

— Не забывай, этот снимок сделан год назад.

А сегодня Лу Шэн уже мертв.

Цэнь Ян заметно расслабился. Они продолжили изучать документы за последний год, и зафиксированная там картина полностью совпала с их догадками. Поняв, как работает система сложения сроков, Лу Шэн пустился во все тяжкие. Он отчаянно цеплялся за жизнь, совершая любые правонарушения, до которых мог дотянуться: устраивал мелкие диверсии, имитировал попытки побега, изрыгал площадные оскорбления в адрес надзирателей и лез в драки с другими заключенными.

Впрочем, драться у него не особо получалось — из любой стычки бывший высокопоставленный чиновник выходил жестоко избитым. Да и надзиратели быстро раскусили его нехитрый план. Вместо того чтобы составлять официальные рапорты и увеличивать ему срок жизни судебными тяжбами, охрана предпочитала увлакивать его в слепые зоны коридоров или карцер, отключать камеры наблюдения и «воспитывать» нарушителя своими методами.

В медицинских картах за этот период замелькали записи о многочисленных «травмах неустановленного происхождения». Внутренне готовые к увиденному, юноши открыли вкладку за шестой год заключения. С экрана на них глядел совершенно высохший, согбенный человек.

Его волосы стали белыми как лунь. Если бы кто-то вздумал сравнить этот снимок с кадрами хроники его роскошной «свадьбы века», ни один человек во Вселенной не поверил бы, что этот несчастный старик и тот холеный, уверенный в себе альфа — одно и то же лицо.

Вес Лу Шэна опустился до критических сорока килограммов. При его некогда крупном телосложении это означало, что на костях осталась лишь туго натянутая, пергаментная кожа. В его глазах все еще тлела бессильная злоба, словно он готов был вцепиться в горло любому, кто на него посмотрит, однако сухая статистика личного дела говорила об обратном: при малейшем шорохе или приближении надзирателя этот человек испуганно вздрагивал и рефлекторно вжимал голову в плечи.

А затем наступила развязка.

В официальном заключении администрации Чёрного Камня причиной гибели значилось следующее: «Во время проведения горных работ между заключенными возник стихийный конфликт, переросший в драку, в ходе которой осужденный получил удар обломком тяжелой руды в затылочную область. Скончался от полученных травм, несовместимых с жизнью».

Смерть особо важного преступника до приведения приговора в исполнение всегда влекла за собой кучу проверок, поэтому к делу был прикреплен подробный патологоанатомический

отчет. Данные вскрытия полностью подтверждали официальную версию: обширный перелом костей черепа от удара тупым предметом с острыми краями. В графе «сопутствующие патологии» патологоанатом перечислил бесчисленное множество застарелых переломов, рубцов и следов систематического физического насилия.

— Да уж, — покачал головой Цэнь Ян. — Подышал он долго и в муках.

Лу Чжао не стал комментировать участь отца. Вместо этого он задумчиво потер подбородок:

— Нужно решить, как преподнести это маме. Радостной новостью поделиться стоит, но всю эту грязь ей знать совершенно ни к чему. Лишний раз портить ей настроение подробностями тюремного быта я не хочу.

Цэнь Ян с теплой усмешкой толкнул его плечом:

— Эй, ну ты чего такой серьезный? Хоть бы улыбнулся ради приличия.

Лу Чжао удивленно моргнул, а затем его губы непроизвольно разъехались в широкой, искренней улыбке.

— Ладно, уговорил...

Сдерживать рвущееся наружу облегчение больше не было сил, и мгновение спустя оба юноши дружно, во весь голос расхохотались.

<http://bllate.org/book/18254/1985673>